

ощрению инвестиций (АПИ), агентства по кредитованию экспорта и экспортно-импортные банки. Целый ряд инструментов политики применяется творчески, зачастую с прицелом на конкретные виды вывозимых ПИИ. Некоторые правительства стран Африки и Латинской Америки публично подчеркивают важность вывоза ПИИ, однако эти заявления редко подкрепляются конкретными мерами стимулирования.

В целом, вывоз ПИИ из развивающихся стран потенциально прокладывает путь к преимуществам экономического сотрудничества между развивающимися странами. Поскольку инвестициям ТНК развивающихся стран присущи определенные особенности, в том числе более высокая степень ориентации на трудоемкие отрасли, они особенно актуальны для стран с низким уровнем доходов.

«СТИМУЛЯТОРЫ» КАК СТРАТЕГИЯ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (АРТЮР РЕМБО, УИЛЬЯМ БАРРОУЗ, КЕН КИЗИ)

С. А. Календа

Эта тема, в самоназвании звучащая как газетный заголовок, не случайна, так как наша задача заключается в том, чтобы развенчать все мифы вокруг творчества не только битников, но и близких им по духу художников. Этим самым мы хотим отбить желание многим начинающим писателям и художникам поиска вдохновения в творчестве с помощью различных средств, начиная от подручных – «народных», заканчивая сильнейшими галлюциногенами, применяемыми как секретное оружие в армии.

Освещаемая проблема, вовсе и не является проблемой как таковой, точнее её не стоит рассматривать как проблему, это скорее недоразумение, недостаток нынешнего поколения в знаниях и умениях, сказал бы я педагогически. Ощущается острая необходимость просвещать в некоторых ребром стоящих вопросах, и одно то, что я это написал и стою перед вами, говорит, что нам не безразлично как воспринимать того же Барроуза или Буковски, шутами или гениями!

Артюр Рембо свято верил в свою теорию, что человеку для творческого счастья и благополучия в целом, необходимо стать ребенком Солнца. А для чистой и великой поэзии необходимо расширять сознание, уводить его вглубь собственного мышления. Но каким образом этого добиться, как найти и без того поэтическому Моцарту поэзию чистой воды?! И Рембо начал свои поиски в бокале сочного вина и в волшебном опиуме. Что же, если бы не его исключительная гениальность, кто знает, может, он не создал бы и строчки, но, он был необыкновенный человек, и извлек

из своих бессознательных (иррациональных) опытов массу полезного. Но, так и не оправдал тех затрат, на которые пошел – благополучие и счастье. Он узнал правду жизни, истинную грязь существования, но не узнал чистой поэзии, которой искал, поэзии исходящей от самого понятия бесконечного и бессознательного, поэзии Логоса, Бытия. И уже в двадцать лет зарекся – больше ни строчки, после чего он сдержал обещание, и навсегда удалился в теплые страны, как будто бежал от чего-то, возможно от разочарования. Он умер в тридцать с небольшим, так и не поверив в то, что человечество способно на подвиги и стимуляторы в творчестве являются идеалом для художника...

До него и после него было очень много людей, которые, как и он были в поисках таких же ответов, с такими же вопросами на устах, но из этого ничего не вышло, отчасти кто-то неправильно трактовал декаданс, кто-то не понимал битников, а кто-то уходил с головой в бессознательное и увлекался сюрреализмом, рождая на свет нечесанные и шершавые слова и строки, не продержавшиеся в памяти искусства и часа, забытые в огромной Вселенной.

Мы не утверждаем здесь некомпетентность поколений их неграмотность и заблуждения, а лишь озвучиваем ошибки прошлого, с точностью часов повторяющиеся в каждом новом поколении. Крайности не несут с собой никаких прекрасных идей, кроме единичных случаев как Рембо, Барроуз, Хантер Томпсон, и Буковски. Все эти художники от Бога объединены одним – «метафизическим абсурдным творчеством», (термин Альбера Камю в «Бунтаре»), поиском вдохновения в бокалах и химии. Причем каждый из них не дошел до намеченной точки, каждый из них сорвался, сошел с пути и проторил иной путь, кто-то не скоро понял о том, что уже движется по иному курсу, кто-то пришел к этому сразу, но факт остается фактом, они творили свои бесценные памятники, будучи в здравом уме, оставляя при себе лишь образ поведения, стиль жизни.

Творчество под наркотическим или алкогольным веществом лишь машинальная запись восприятия сиюминутного, когда иррациональная часть нашего сознания расплзается в разные стороны, её разрывает на лоскутки от всего, что она в тот момент воспринимает. Поэтому это уже не творчество, это из разряда неопытного и дешёвенького сюрреализма.

Если прислушаться к словам Сартра, который сказал: «Чем бессмысленней существование, тем ужасней мысль о смерти»¹, то на битников это крепится как клише, когда они существовали бесцельно, то в страхе потерянности и смерти они творили, когда же у них появлялись цели, то

---

¹ Сартр Жан-Поль. Слова. Мн. 1999 с.329

они пускались напропалую в приключения и бессознательные эксперименты, они становились уже не битниками, а синдромом упадка, лицом своей эпохи, времени между двумя Мировыми войнами, и Холодной войны, временем депрессий и техники. Поэтому когда они теряли себя в потоке сознания и бесконечного угара, затаятого на месяцы, они лицом к лицу сталкивались с бессмысленностью и ничтожностью своей сущности, а до этого существования, как такового. И именно это толкало их к творчеству, к чистому сознанию, к перенесению на бумагу того, что привиделось, но чаще сложилось в результате опыта философии, в результате тяжких потуг мыслительного процесса, но не бессознательного.

Кто в наше время может сказать что-то о Уильяме Барроузе, о Джеке Керуаке и Алене Гинзберге?! О них знает только небольшая горстка людей, которая даст вам общую характеристику, что битники - потерянное поколение, разбитое поколение, проклятое поколение (их кумиры и пример для подражания, (факт, к сожалению))! Поколение, которое выточило себя изнутри, которое прогнило насквозь, которое оказалось в тупике и упадке из-за постоянного поиска неизвестного! А что это такое - «неизвестное»? Никто из них не знал, но каждый битник был уверен, что всё делает правильно, что он движется в нужном направлении. Их коллективный бог – джанки внушал им истинность поведения, обнадеживал их самыми сказочными идеями. У них было главное - мечта романтика!

Моё выступление может показаться пессимистичным, но поверьте, я никогда не стану утверждать, что битники были пессимистами. Да, многие из них закончили жизнь печально, не так как им хотелось бы, многие просто сгнили духовно и физически, многие сошли с ума от наркотиков и спиртного. Сейчас нам легко вот с этих самых мест, где мы сидим, утверждать, что они ошибались, что они совсем запутались и потерялись.

Эксперименты Барроуза с яхе, пейотлем, мескалитом и не только с природными, но и с синтетическими наркотиками для него самого были ключом к двери, за которой кроется тайна всей его жизни, всего искусства и литературы! Он знал, что за ней находится истина, но как к ней добраться для него было недоступным. Жизни не хватило, чтобы что-то разузнать, все предпринятые попытки оказались пустыми, а впоследствии битники вообще оказались вне закона, ледэшников признали наркоманами. Для Гинзберга и Керуака бензедрин и религия были тоже ключом, но от другой двери!

Вокруг битников царил волшебное ощущение того, что всё идет правильно и они на верном пути. Для них время было символично, а наркотики являлись катализатором к иррациональному творчеству и знанию. Мы теперь и представить не можем литературу постмодернизма без но-

вовведения Барроуза – метода нарезки текстов и нелинейного письма! Но, кто из них мог знать, что они одной ногой уже были на тропе ведущей не к секрету бесконечного бессознательного, а к бесконечной потерянности. Барроуз в книге «Джанки» и «Гомосексуалист» говорит, что он чуял о некоей ошибке, но он знал, что в этом и кроется свой выход, находится свой шарм романтизма.

И пусть даже все они ошибались, но они вместе сумели создать свой добрый мир надежд и поисков Великого Изменения Мира в оптимистичную сторону, а значит, никто из них не ошибся, все они были правы! И Барроуз роман «Джанки» написал как в XIX веке Томас Де Квинси «Исповедь англичанина, курившего опиум» в назидание и пример будущим, таким же потерянными поколениям, во имя избежания ошибки, но, как говорит один известный афоризм, каждый учится на своих ошибках. Жаль!

Битники создали огромную сцену для выхода после них следующего поколения, они передали им свой опыт, свои чувства и надежды. И это поколение новых гениев – это Кен Кизи, Кэссади, Том Вулф и Хантер Томпсон и многие-многие...

Но если битники искали ответы в джанке и пейотле, то для следующего поколения наступила кислотно-синтетическая эпоха. Эпоха хиппи, многие подумают, но я скажу, что надо думать не о тех хиппи, которые против войны или еще чего-то, не о тех, которые пассивные дети-цветы, а надо думать о людях действия и эксперимента, людях высокого полета и высоких грез. Эти люди относятся к битникам, но я выделяю их как хиппи, потому, что это уже совсем молодые люди, это действительно новое поколение, которое в большом количестве погибло от экспериментов с ЛСД. Они впервые о себе заявили в Сан-Франциско, родине битников, и Лос-Анджелесе. И в этом месте приведу вам слова Тома Вулфа: «Вера! Дальше! Да, крайне необычное ощущение возникает, когда сидишь в окружении светящихся красок на жалкой, пузырящей от нарывов Харриет-стрит и вдруг осознаешь, что, сидя в этом неправдоподобном хлебозаводе-складе-гараже, находишься в среде общины, исповедующей манихейство, вероучение Цон-Иша-па... в среде истинно мистического братства... Только пребывают братья в несчастной Америке шестидесятых, заваленной полиэтиленом фирмы «Формика», без единой песчинки пустыни, без единого пальмового листа, без единого кусочка плода хлебного дерева, без манны небесной, лишь лоя флюиды, исходящие из магнитофона «Ампекс» и фокусов с кувалдой «Уильямс Лок-Хед», глотая приготовленные с математической точностью в лабораториях наркотика ЛСД-25, Ит-290, ДМТ. А вовсе не напиток «сома», устремляясь вдаль в аэропортовских комбинезонах с американскими флагами и в автобусе «интер-

нейшнл харвестер» - да мало того! – средь скопления зефирных лиц и до блеска начищенных черных туфель...»².

Том Вулф пишет: «Добропорядочные люди называли их битниками. Возможно, Чудесные люди и разделяли возбуждение владевшее в конце пятидесятых годов бит-поколением, но не стоит забывать, что в их специфической богемной социальной среде появился новый важнейший лейтмотив, а именно – психеделические наркотики. ... У них не было никакой собственной философии – лишь доставшиеся им от битников крохи буддизма да теория Хаксли об открывании дверей разума, никакого особого образа жизни, за исключением всё той же Безногости...»³

Неоспоримый факт – Кен Кизи, своего Вождя, героя романа «Полет над гнездом кукушки» увидел в галлюцинации, смеси ЛСД и индейского пейотля – ядерной смеси, чуть не отправившей самого автора в психбольницу. Но, страницу за страницей Кизи выжимал из себя только когда был в здравом уме, он даже пожертвовал семейным благополучием и ради романа устроился уборщиком в психбольницу на целых полгода. Это был сильный ход и подвиг с его стороны. Но, фактом остается и то, что после выхода романа, Кизи собрал команду, которую назвал проказниками, и, став для них Вождем отправился колесить по дорогам США, останавливаясь в значных местах и принимая тоннами ЛСД. Кизи был близким другом Тимоти Лири, он хорошо знал байкеров Ангелов Ада, наводивших страх и ужас на Америку. С этих байкеров потом снимали фильмы и Хантер Томпсон посвящал им целые рубрики. Но, повторяю фактом остается то, что после проказников и иже с ними Кизи не сотворил ничего, что было бы достойно внимания, все силы ушли на бесчисленные эксперименты. И только когда он стал стариком, его рука дрогнула на десятки строк о своих путешествиях, но это выглядело уже не уверенно и глупо, как панихида по Проказникам. Хотя Том Вулф, общий друг проказников, журналист, а потом и писатель, наоборот, из этих экспериментов изъясил массу полезного и написал много романов, но это уже другая история. По сути, итог напрашивается пессимистичный для тех, кто считает себя творческими людьми, исповедующими битниковский образ жизни, всему своё время и место. Скажу я вам, Кизи уже доказал, что без труда никакие наркотики не помогут. Но, проказникам принадлежат другие открытия – они придумали стробоскоп для ночных клубов и сняли тысячи километров киноплёнки а-ля концептуальность!

Проказники экспериментировали с творчеством в иррациональном ключе, но увы, след в истории это не оставило, их километры отснятой

---

² Том Вулф. Электропрохладительный кислотный тест. СПб 2000 с.40

³ - там же - с.157

пленки в наркотическом бреде были непонятны даже ими самими, теми, кто после этого кислотно-желтого-школьно-автобусного тура остался при своём уме. Их галлюциногенные и пьяные стихи не пришлись по вкусу. Только Кэссади смог позже сотворить роман «В дороге» да пара горстка энтузиастов как Том Вулф добились признания в богемной компании художников-писателей. Кроме шизофрении и истерии такой вид творчества ничем не кончился, пришлось браться за перо и шлифовать неотесанные предложения, мусоля на языке словосочетания в разном порядке, пока сквозь пот не являлось чудо прозы или стиха.

Заканчивая свое выступление, хочу привести вам еще одну цитату известного писателя Ромена Гари, вот часть диалога из его романа «Прощай, Гари Купер!»: «Как я понимаю молодых американцев вашего возраста, которые спасаются от материализма своей страны! Вы потерянное поколение. Буг Моран говорил: «Каждое поколение – потерянное поколение. Именно так оно себя распознает, поколение то есть. Когда же чувствуешь себя еще более потерянным, вот это уже плохо. А поколения, которые не чувствуют себя потерянными, это полное дерьмо. Мы, дети мои, совершенно потерянные, но ведь совершенно! Это доказывает, что в нас кое-что есть»⁴.

И в завершении хочу сказать лишь то, что мы должны помнить тех, кто создал для нас культуру, тех, кто жертвовал целой жизнью! Кто шел на дерзкие эксперименты, но всё равно оставался самим собой, оставался философом и писателем, кто четко делил жизнь общественную от жизни творческой, как сказал Довлатов, (я его называю русский Буковски), в повести «Заповедник»: «Борька трезвый и Борька пьяный настолько разные люди, что они даже не знакомы между собой...»⁵ А также уважаемые слушатели, не забывайте слова Ромена Гари, о том, что мы тоже потерянное поколение! Или, несуществующее! Точно не знаю, но это и не нам решать!

Творчество зависит от состояния разума, если бы «стимуляторы» помогали в искусстве, то каждый второй алкоголик и наркоман претендовал бы на Нобелевскую премию...

ПЕРАКЛАДЫ ПАЭМЫ МІКАЛАЯ ГУСОЎСКАГА «ПЕСНЯ ПРА ЗУБРА» НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Г. В. Канабьяеўская

Латынь з'яўляецца сімвалам антычнасці, сімвалам Рэнэсансу, жывой сувяззю паміж далёкім мінулым, Эпохаю Адраджэння і сённяшнімі

⁴ Ромен Гари. Прощай, Гари Купер! СПб 2002 с.36

⁵ Сергей Довлатов. Заповедник. Ленинград 1990 с.45